

УДК 1(091)

И Я ПРИШЕЛ К СЛЕДУЮЩЕЙ МЫСЛИ...
(интервью к 80-летию Константина Николаевича Любутина¹)

*Интервью подготовил
и провел Петр Кондрашов²*

25 февраля 2015 года исполняется 80 лет Заслуженному деятелю науки РСФСР, академику РАЕН, вице-президенту Российского философского общества, главному научному сотруднику ИФиП УрО РАН, заведующему кафедрой истории философии Уральского государственного университета (ныне УрФУ), доктору философских наук, профессору Константину Николаевичу Любутину, выдающемуся советскому, российскому и уральскому философу, ученому, организатору науки и высшего образования.

В связи с этой знаменательной датой Институт философии и права УрО РАН решил провести подробное интервью с юбиляром. Нас интересовали не только собственно научные заслуги и достижения Константина Николаевича (об этом можно узнать из философских справочников и энциклопедий), но и в первую очередь – уникальную историю становления ученого. Простой деревенский мальчишка из глубинки поступает на философский факультет МГУ, оканчивает его с отличием; затем начинает свою преподавательскую деятельность на Урале, где защищает и кандидатскую, и докторскую диссертации; участвует в организации философского образования на Урале. За 50 лет научной и педагогической деятельности им подготовлены высококвалифицированные специалисты, работающие в вузах по всей России. Среди его учеников около семидесяти кандидатов и тридцати докторов философских наук. К.Н. Любути́н – один из основателей *Уральской философской школы*, видный специалист по метафилософии, философской антропологии, теории познания, истории немецкой классической и марксистской философии... Впрочем, обо всем этом нам расскажет сам юбиляр.

— ***Добрый день, Константин Николаевич. Расскажите, пожалуйста, о своих родителях, своем детстве, о той социальной, культурной среде, в которой Вы выросли.***

— Я родился в деревне Большая Папулиха Мантуровского района Костромской области. Но сама область появилась в 1943-м году, а когда я родился, был Горьковский край. Я родом из крестьянской семьи. Отец был помощником районного лесничего, исходил весь район пешком. Мать вела хозяйство. Оно было большое: корова, овцы, поросенок, курицы, огород со всем тем, что надо: жили-то своим хозяйством. Так что я с самого раннего детства был приобщен к миру природы. Очень любил домашнюю скотину.

Вот так все шло да шло, а затем началась война. Отца призвали. Матери тогда было 28 лет. В то время была жива еще бабка, под 80 лет. И мы

¹ Интервью состоялось в сентябре-октябре 2014 г.

² *Кондрашов Петр Николаевич* – кандидат философских наук, доцент, докторант Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург.

управлялись с огородом, с коровой, с овцами. Я начал рано косить, косил 18 лет, метал стога. Косил я до самого последнего времени, даже когда уже был деканом, ездил каждый год летом.

— ***В какой школе Вы учились? Успевающим ли были учеником? Или были дебоширом и заводилой?***

— В школу пошел в 1942-м году в первый класс. Школа располагалась в деревне Папулиха в двух крестьянских избах, в одной избе был первый класс и третий, в другой избе – второй класс и четвертый. То есть у нас была четырехлетка. Начальная школа это была по старой схеме, неполная средняя была в другой деревне, а полная средняя – в поселке Мантурово.

Я научился читать еще до школы самостоятельно. Раньше до войны издавали очень много учебников для школы взрослых, а у нас в Папулихе была изба-читальня. Я там все книги перерыл, нашел различные учебники и по картинкам понемногу научился читать. Первая книга, которую я стал читать, была Библия, у бабки. Помню, как бабку учил, что «в начале было слово».

— ***А Библия была на русском языке или на старославянском?***

— На русском. Эмигрантское издание 1918 года, берлинское. Вот... Помню, копаем картошку, а был это 1941 год. Немцы под Москвой, а до Москвы от нас 600 верст. Хотя нас не бомбили, но самолеты-разведчики летали. Так вот помню: летит как-то над нами желтый «Юнкерс» с крестом. Бабка смотрит на него, крестится и говорит: «Вот, смотри, Господь прилетел». Вот так, такой был уровень...

Собственно занятия в школе начались у меня вовсе не с изучения наук. Нас на месяц направили дергать лен, так как у нас в области лен сеяли. А дергали его голыми руками, поэтому за целый месяц руки так кровоточили, что я даже не мог взять ручку, пальцы не сгибались. Потом это прошло, естественно, стали заниматься. А занимался я в начальной школе с большим удовольствием. Тем более что я просмотрел все учебники («Книга для чтения» и т.д.) и их знал. Поэтому во время учебы никакой тяжести я не испытывал, а напротив, был интерес к учебе.

Ну а остальное понятно: деревенская жизнь, мальчишки, девчонки, летом возили навоз на колхозные поля на тачке, разбрасывали; потом играли, бегали по лес. Играли в войну, как правило, хотя и знали, что война совсем рядом; ходили купаться на речку, по вечерам жгли костры, особенно жгли тетиву картофельную, – было удовольствие большое.

— ***А у Вас, Константин Николаевич, родные братья и сестры есть?***

— Нет, никого не было, я был один. Мама, я и бабка Татьяна, которой, как я уже говорил, было под 80 лет (она умерла в 1957-м году, когда ей было 96; она – мать отца).

Отец пришел с фронта в начале ноября 1945-го года из Австрии, из Вены. То есть он дошел до Вены через Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию. Наград у него было достаточно. Днепр форсировал... Он при-

шел домой с фронта 4 ноября 1945 года, как сейчас помню. Сразу же стал работать в леспромхозе; его избрали парторгом. Занимался он заготовкой лесоматериалов для восстановления Донбасса. У нас был большой фанерный завод в Мантурово. Кстати, первый в Союзе по объемам производства фанеры, причем фанера была авиационная, на вес золота.

Мать работала в домашнем хозяйстве, – хозяйство-то было большое, один огород чего стоил; варить надо было в русской печке в огромных чугунах, воду надо было носить ведрами... А летом сенокос.

— **Вот Вы говорите, что у Вас было большое хозяйство. А не коснулись ли Вашей семьи раскулачивание?**

— Нет, у нас вообще в Папулихе никого не раскулачили.

— **А колхоз потом создали?**

— Создали колхоз, но отец в него никогда не вступал. Он работал помощником районного лесничего. Да и мать, естественно, не вступала. Но к нам часто обращалось начальство колхозное, помочь в уборочной, особенно мама, она все умела делать, жать и все что хочешь.

— **А как, Константин Николаевич, события детства вообще повлияли на Ваше становление как ученого? Просто очень интересно: мальчишка из деревни и вдруг – раз и на философский факультет МГУ.**

— Дело в том, что я рано приучился к книгам. Я ходил из Папулихи в Мантурово за 6 верст в районную библиотеку, брал книги и читал, в основном, естественно, детскую литературу. Читал, читал и начитался уже в начальной школе. Затем переехали из Папулихи в Мантурово, там была большая районная школа № 2. Там я пошел в пятый класс. Школа была хорошая по составу преподавателей, были выпускники Московского института философии и литературы, например Сулоев Иван Сидорович, мой учитель по литературе. В общем, публика была грамотная. Все фронтовики, участники и Финской войны, и Великой Отечественной. Я очень быстро как-то сошелся с ними неформально, постоянно бывал дома у них, вели всякие разговоры, в том числе и помимо учебных.

Вот, собственно, так и возникал интерес [к наукам]. В этом плане я очень благодарен Мантуровской районной библиотеке. Распорядок у меня был такой: приходил домой, выполнял свои обязанности (наносить дров для русской печки, наносить воды, чтобы скотину напоить), а дальше – свободен. Я шел в библиотеку и сидел до ночи. А там что было хорошо в библиотеке – полный набор газет и толстых журналов («Новый мир» и другие), которые домой не давали, а там читай – пожалуйста. Я особенно запоем читал «Литературную газету», тогда она еще маленького формата была. И тем не менее она была интересная. Позже стал издаваться журнал «За рубежом»... Меня пускали в библиотеку куда угодно, я рылся в фондах, выискивал все что надо. Однажды домой притащил стенограммы процессов Бухарина и еще кого-то. Отец увидел, испугался, говорит: «Уйди, зараза! Неси обратно, чтобы их тут духу не было!» Я благодарен Мантуровской библиотеке.

— *Сегодня при опросах людей Вашего поколения не обходят стороной вопрос о сталинизме. Позже мы поговорим о философских идеях И.В. Сталина и их отношении к марксизму. А сейчас бы хотелось задать более «экзистенциальный» вопрос: ощущали ли Вы тоталитарную систему, так сказать, «нутром»? Испытывали ли страх или тревогу?*

— Вся эта болтовня, которая идет сейчас, она ничего не стоит. Люди жили и работали, и говорили все, что хотели. Я, когда был студентом МГУ, и преподавателем когда стал работать, не испытывал никогда давлений. Не надо было только вертеться, быть двуличным, лживым, стукачом. И это было самое главное. Да, в Сталина верили как в земного Бога, никаких сомнений ни у кого на этот счет не было, ибо товарищ Сталин все знает, все понимает. Верили в светлое будущее. То есть мы были идеалисты! Вот дело в чем! Та система воспитывала именно идеалистов. Мы жили будущим. Светлым будущим. А вовсе не настоящим, как царствием Божьим. И это всех уравнивало: никто не был особенно богатым или особенно бедным в деревне. Так работали и жили без всяких олигархов, дельцов.

— *Однако вернемся к Вашим школьным годам и времени поступления в университет, Константин Николаевич.*

— Да, конечно. Примерно в восьмом-девятом классе я начал думать: куда поступать? Достал в библиотеке справочник вузов СССР и начал писать письма в приемные комиссии МГУ, ЛГУ, Минский университет. И самое интересное – всегда получал ответы как подобает, на стандартных бланках, все отвечали, никто не отплевывался.

Я колебался, куда поступать: в Ленинград или в Москву? К этому времени закончили строительство здания МГУ на Ленинских горах, и я поехал в МГУ. Но вот незадача: учебное здание строить закончили, а общежития – нет! А набор сделали на здание. В итоге весь первый курс всех факультетов жил в Подмосковье на летних дачах. Вот я жил на Клязьме Ярославской дороги. Это 40 минут туда, 40 обратно. А до Москвы добраться было трудно. Утром тебя внесут в тамбур вагона электрички, там полчаса простишься сонный, а на Ярославском вокзале вынесут, поставят, а там беги на метро, чтобы поскорее до буфета добраться, съесть что-нибудь – и на лекцию.

Занятия были на Моховой, в старом здании. Занимались до упора, пока не закроется библиотека университетская, и только тогда уходили. На вокзал приходили только в 11 вечера, когда уже никаких контролеров не было в поездах, все нормальные люди спали. Поэтому я никогда билет не покупал, ни туда, ни обратно. Кроме выходных дней, конечно.

Таким образом, весь первый курс жил на Клязьме. А когда пустили Ленинские горы, нас на Струмынку перевели, в общеизвестное общежитие Струмынка, 32, описанное у Трифонова и у многих других. Это Сокольники, бывшая богадельня. Четыре этажа было. В центре была церковь, из нее сделали склад, туда мы сдавали вещи, когда на каникулы уезжали. С помощью Светланы Аллилуевой, которая училась в МГУ, удалось (не без

помощи ее отца [И.В. Сталина]) добиться, чтобы достроили еще один этаж: было три, а стало четыре. Жил я на втором этаже, в комнате нас было 6 человек. Причем училось много иностранцев. А тогда была установка воспитывать студенческую молодежь в духе пролетарского интернационализма. И вот у нас были кровати: русские – Славка Енговицкий и я Любутин, чех – Андрей Главик (был в свое время парторгом цеха в Братиславе, а у него в парторганизации был Гусак, будущий генсек); дальше – украинец, немец, поляк. Вот такой был состав нашей комнаты № 446. Я был старостой комнаты.

[К.Н. Любутин показывает Почетную грамоту – награду коллективу лучшей комнаты.]

— *Это всему коллективу комнаты?*

— Да, но и мне как старосте.

— *А вне учебы как протекала студенческая жизнь? Весело?*

— Ну, по крайней мере, не так как сейчас. Сужу по внучке – сейчас же сдохнуть можно от скуки. А учились мы зверски. Троечника презирали! У нас в группе не было троечников. Я сам получил первую четверку только на госэкзамене. А время проводили весело. В Сокольниках. Зимой на коньках в парк. Я купил коньки (до сих пор их храню). Потом уже здесь, в Свердловске, катался. Ну, девиц обучаешь на коньках кататься, и все такое прочее... с продолжениями. Веселыми.

Ходили, естественно, в театры. Особенно трудно было попасть в Большой театр. Занимали очередь с вечера, ночь стояли группой. В другие театры было попасть попроще. А такие, как «Современник», появились чуть позже. Много ходили в Малый театр.

Вот так и жили весело. Отмечали все праздники. Вся наша группа собиралась у нас в комнате. Было же много москвичей, которым негде было собираться. Я как староста комнаты давал разрешение. Покупалось все что полагается. Никаких сухих законов не было. Всегда играла музыка. И вообще тогда любили танцевать...

— *А вот вам как молодому человеку из деревни трудно приходилось привыкать к жизни в большом городе?*

— Если честно, то ничего не почувствовал. Дело в том, что у нас были очень хорошие ребята в группе. Я до сих пор поддерживаю связи с ними. Многие уже просто исчезли, многие умерли... Вот когда стали переводить на Ленинские горы, там давали двухместки. Предлагают: с кем хочешь жить? Я выбрал нашего немца (Герд Людвиг). И жили мы с ним еще два года на Ленинских горах. А жили так: я в одной комнате, он в другой. А ему самое главное сложно было: когда приезжал с каникул из Германии, привозил немецкие шмотки, а их надо было сдать в комиссионку. А у иностранцев вещи не брали. Так вот я по своему паспорту сдавал. Ну, потом на вырученные тугрики покупали пару портвейна и отмечали!

— *Почему из всех философских наук Вы выбрали именно историю философии в качестве своей специальности? Не этику, эстетику, онтологию или гносеологию?*

— Когда я учился, эстетики не было и в помине. Ее только ввели, когда я учился на четвертом курсе, и я сдавал экзамен Овсянникову. Тогда какой был набор? Диамат, истмат и история философии. Все. Научный атеизм потом ввели, позже.

У нас курсовые были сплошные: на первом курсе по диамату, на втором – по истмату. Руководил курсовой по истмату Ковальзон Матвей Яковлевич, известный философ. На третьем курсе – по истории философии, по Фейербаху. Этой курсовой руководил Нарский Игорь Сергеевич.

— *Да, кстати, Константин Николаевич, Нарский был руководителем Вашей дипломной работы. Как Вы именно на него, так сказать, «вышли»?*

— На самом деле это не я «вышел», а он меня нашел. Спрашивает: будете писать? – Буду! Вот так и до диплома дошли. Да, наши связи после моего окончания университета не прекратились: он еще и оппонентом на докторской у меня был. Вот так вся жизнь вместе и прошла. А в университете И.С. Нарский читал у нас историю зарубежной философии, на кафедре Ойзермана.

— *А сам Теодор Ильич не читал у вас?*

— Марксистскую философию читал. Он вообще был первым, кто стал читать марксистскую философию.

— *А кто еще из преподавателей, не только факультетских, Вам особенно запомнился?*

— Ну как! Был целый букет. Первый, кого я увидел, был Дынник, античник. Потом был Трахтенберг, по средним векам. Потом Соколов, Новое время, он еще жив. Потом Ильенков пришел, он был аспирант Ойзермана, фронтовик, написал диссертацию у Ойзермана по некоторым вопросам диалектики в «Капитале» Маркса. Она [диссертация Э.В. Ильенкова] лежала в кабинете философии, там ее зачитали до дыр. Сам помню как брал и читал ее запоем. То есть Ильенков открыл Маркса. Ильенков доказывал, что преподавание философии на факультете было не адекватно требованиям. Преподавали по Сталину (четыре черты диалектики, три – материализма), и при этом о Марксе речи не шло. А тут – марксизм, Маркс. Да еще и Гегель вдобавок. Сам Ильенков вел у нас семинары по истории зарубежной философии, по немецкой классике в основном.

— *А Эвальд Васильевич у вас преподавал еще будучи аспирантом?*

— Нет, когда уже стал преподавателем, после защиты. А я вот как-то Гегеля не любил, эмоционально. Я подошел к Ильенкову и сказал, что не хочу заниматься Гегелем. Поэтому он мне говорит: «Костя, займись Фейербахом!». Вот с тех пор и начались мои исследования Фейербаха, это был второй курс, 1954 год. Я писал у Ильенкова курсовые, потом у Нарского.

А у Ильенкова такая была концепция: предмет философии марксизма – это теория познания, марксистская философия – это учение о познании. Ну, собственно, тут идет отсылка к Ленину, что, мол, не надо трех

слов и т.д. Я даже однажды как-то ляпнул, что не надо трех слов, достаточно и трех букв. Я тогда уже хохмил.

Ну в общем ситуация такова. Появляется передовая статья в «Коммунисте» о том, что в Московском университете, на философском факультете появился ревизионизм проклятый, гносеологизм, сведение предмета философии к учению о познании. Но где же тогда общие законы, о которых Сталин учил?

О сторонниках Ильенкова на ученом совете кричали: «Они нас тащат в область мышления!!!» Ильенков сидит (я рядом с ним сидел) и говорит: «Ага, вас утащишь в область мышления!». Ну вот, против Ильенкова и Коровякова началась целая кампания. Ильенкова отправили, но тут пришел Кедров в Институт философии, и Кедров его взял на работу, поскольку он тоже так же мыслил.

— *А сам Кедров пришел из естествознания?*

— Да, но он уже тогда философствовал. Он же доктор философских и доктор химических наук. Ну вот, Ильенков стал работать там, и я ходил к нему на консультации, на Волхонку, на четвертый этаж. А поскольку слежка была, то раздалась команда: разнести всех тех, кто поддерживает Ильенкова на факультете. Так, на комсомольском собрании группы мне выносят выговор по комсомолу «за поддержку ревизионизма Ильенкова». Это было смертельно. Раньше как было: если из комсомола долой, то автоматически и с факультета тоже. Вадима Межуева исключили из комсомола, но горком комсомола не утвердил, и он остался. Так что много было чего интересного.

— *Константин Николаевич, расскажите, пожалуйста, о Вашем научном руководителе Игоре Сергеевиче Нарском. Что он за человек был, ученый?*

— Нарский был выпускник МГУ, прошел фронт, он знал блестяще языки. На войне он был переводчиком. Вон есть книжка о переводчиках, там и о нем много написано. Особенно он любил польскую философию. Под его редакцией несколько работ поляков издали у нас. Игорь Сергеевич был очень такой добрый человек, мягкий... Потом он ударился в логику...

— *Ну это, видимо, под влиянием польской логической школы...*

— Да! Он был у меня по диплому руководителем, а А.С. Богомолов — рецензентом. По кандидатской был оппонентом.

— *Так Богомолов же не намного старше Вас был.*

— Ну и что!? Он в тот момент был и аспирантом, и рецензентом моей дипломной работы. Я, кстати, первый на курсе защищал работу по Фейербаху.

— *А как тема формулировалась?*

— «Антропологический принцип Людвиг Фейербаха». Нарский был у меня оппонентом и по кандидатской, и по докторской. Последнее, что я могу сказать, когда был Российский философский конгресс в Москве, я приехал на конгресс, жили мы в общежитии Академии общественных

наук. Я набираю телефон Нарского, спрашиваю: «Здравствуйте! А Игоря Сергеевича можно?» – «А кто его спрашивает?» – «Любутин» – «Вы знаете, а мы его вчера похоронили». Тут входит Пономарев, бывший секретарь обкома партии, и рассказывает: «Вышел я из больницы, смотрю – идет Нарский. Сели, разговариваем, и тут он съехал с лавки и... все». Так и помер Игорь Сергеевич.

— *А кто у Вас руководителем и консультантом на кандидатской и докторской был?*

— Михаил Николаевич Руткевич.

— *Константин Николаевич, как Вы определились с аспирантурой? Темой диссертации?*

— Очень просто. Я окончил философский факультет МГУ в 1957 году. Был рекомендован в аспирантуру. Но в это время, во время летних каникул, появилось постановление правительства, согласно которому для поступления в аспирантуру требуется стаж работы два года. Поэтому мне пришлось вместо аспирантуры искать работу.

Куда ехать? У меня были связи с ЦК комсомола, так как я какое-то время там был лектором. Там мне говорят: давай, езжай в Кострому. Ну, я думал, что не надо меня было посылать в родной район; вот скажут: Любутин «дожил», окончил школу с медалью, МГУ, а сейчас приехал читать лекции дояркам. Было какое-то пижонство... А сейчас я даже каюсь: потеря малой Родины...

Были предложены разные варианты, но поскольку у меня в Нижнем Тагиле было много родственников, то я решил ехать в Тагил.

Определили меня читать историю партии в техникуме № 16, сейчас оно существует, только под номером 96. Училище было очень сильное, на базе НТМК. Хороший был коллектив, прекрасные люди, директором был бывший секретарь Ленинского райкома партии (в Тагиле) Александр Иванович Клепов; замдиректора по учебной работе был Бурлаков Дмитрий Павлович, он еще жив, очень сильный человек.

Так вот, Бурлаков спрашивает: «Какие у Вас документы с собой?» – «Диплом». – «Ну-ка, покажите!». Я показал диплом с выпиской. Он посмотрел и говорит: «О, завтра на работу». – «Как завтра?» – «Завтра! Завтра! Вот Вам программа “История КПСС”, но учтите – у нас система техникума: 40 минут лекция, 15 минут – вопрос».

Я историю партии знал неплохо... И пошло, и поехало... Вот и отработал я таким образом в Нижнем Тагиле два года.

Здесь меня избрали комсоргом училища, 400 гавриков, потом начали сватать первым в райком комсомола, – я на дыбы, обещали выговор дать, но я выстоял.

Затем я попытался прикрепиться соискателем к кафедре философии Уральского университета для сдачи кандидатских экзаменов. Получил ответ: для прикрепления требуется снова рабочий стаж два года. Опять тупик.

В это время тагильский горком меня определил преподавать в вечерний университет марксизма-ленинизма. Директором там был мой зем-

ляк, костромич Баринов Александр Васильевич. Я ему рассказал о моей судьбе. А он говорит: «Ты не волнуйся, Ленька вот приедет, и твою проблему решим». А я и знать не знаю кто такой Ленька. Оказалось, что со Свердловска, из УрГУ, с кафедры философии регулярно в Нижний Тагил приезжали преподаватели читать лекции в вечерний университет. Во главе этой команды всегда стоял доцент Лев Наумович Коган, который был одновременно замзавкафедрой, заместитель М.Н. Руткевича.

Коган приехал. Мы встретились. Он спрашивает: «У Вас есть что-нибудь написанное?» Я отвечаю: «Есть, дипломная работа, отпечатанная, с рекомендацией к публикации, написанной Т.И. Ойзерманом». – «Давай!». Я ему дал. – «Приходи завтра в гостиницу “Северный Урал” за ответом». Я пришел. Коган сразу с порога: «Я Вас беру! Мы Вас прикрепляем». Вот так я стал соискателем. Я за два года сдал все кандидатские экзамены, а раз экзамены сдал, то можно было уже поступать в аспирантуру. И я поступил в аспирантуру по кафедре диамата и истмата, которой тогда руководил доцент Руткевич, Михаил Николаевич.

Там были всякие сложные отношения, выбор темы. Михаил Николаевич мне пытался дать тему по философии физики, поскольку он сам был физик по образованию. Но я сказал: нет, только история философии. Он помялся и сказал: ну ладно, черт с тобой, пиши по истории философии, но руководить все равно буду я. Так оно и случилось. Я написал диссертацию, кандидатскую, «Антропологический принцип в немецкой философии XIX–XX вв.», захватив философскую антропологию, и защитил ее в 1963 году.

Сразу же меня взяли работать ассистентом, потом старшим преподавателем, поручили читать курс истории философии (я был на кафедре один историк философии) на гуманитарных факультетах: журналистики, историческом, филологическом. Философского факультета тогда еще не было. Вот так и шло дело.

Я перешел в заочную аспирантуру. Тему выбрал я сам, никто мне ее не давал. Как писал о Фейербахе, так и стал писать. Также и докторскую «Субъект и объект».

— *А почему Вас заинтересовала тема субъекта и объекта? Почему не продолжали исследовать Фейербаха?*

— Потому что я понял, что это стержень марксистского предмета философии. Не отношение бытия и сознания, а именно отношение субъекта и объекта.

— *Помимо Уральского университета, Вы много сил и времени отдавали и до сих пор отдаете Институту философии и права Уральского отделения РАН. Расскажите немного о создании Института в 1988 году.*

— О необходимости создания института разговор шел давно. Завкафедрой диамата и истмата Уральского университета Михаил Николаевич Руткевич и юрист Сергей Сергеевич Алексеев мечтали создать институт философии и права. Руткевич был председателем совета по защите диссертаций, а Алексеев – его ученый секретарь. Им удалось пробить эту

идею через соответствующие бюрократические инстанции. Затем Руткевича в Москву перевели, а обком партии рекомендовал на пост директора С.С. Алексеева. Мне много раз приходилось с ним беседовать. Он долго искал помещение для института, нашли на пересечении улиц 8 Марта и Декабристов. Также вопрос встал о заместителе директора. В это время в университете проректором по учебной работе работал Анатолий Войцехович Гайда, наш [философского факультета] выпускник. Я порекомендовал на должность зама именно Гайду. Алексеев очень быстро вошел с ним в контакт и был создан институт. Так что работа пошла. И идет до сих пор.

— *Константин Николаевич, Вы уже мимоходом упомянули, что были радикально не согласны с трактовкой предмета марксистской философии как сталинистами (сводившими его к абстрактной трактовке диалектики и материализма), так и Э.В. Ильенковым (который редуцировал его к гносеологической проблематике). Изучая Маркса, философию немецкой классики и особенно философию Людвига Фейербаха, Вы пришли к выводу, что предметом марксистской философии является отношение субъекта и объекта. Поясните, пожалуйста, эту мысль более подробно.*

— Как я уже говорил, когда я был студентом, на меня очень большое влияние оказал Ильенков, Эвальд Васильевич, да и вообще вся группа преподавателей факультета. Да, кстати, прежде чем говорить об Ильенкове, надо вспомнить о Валентине Фердинандовиче Асмусе. Это старый профессор, он окончил Киевский университет еще до революции, тогда и сложился как оригинальный мыслитель, разделял марксистскую точку зрения. В 20-е годы появляются его статьи, написанные в марксистском ключе, а в начале 30-х годов он выпустил книжку «Маркс и буржуазный историзм». Я считаю, что это до сих пор одна из самых блестящих работ по истории марксизма. Она, кстати, была переиздана в двухтомнике Асмуса, выпущенного издательством МГУ на его юбилей. Мне удалось эту книгу прочесть еще в школьные годы. Я нашел ее в библиотеке первого секретаря мантуровского райкома партии, он интересовался философией. Это было первое издание 1933 года.

Влияние на меня, безусловно, оказал Т.И. Ойзерман, я шел по его кафедре. Ильенков оказал очень большое влияние. Но вскоре я понял, что та трактовка, которая сложилась у нас под влиянием сталинских схем, согласно которым Маркс и Энгельс — это как бы два туловища и одна голова, даже само написание через дефис («Маркс-Энгельс») указывает на это, — совершенно ложная трактовка. На самом деле это — две головы. У Энгельса понимание философии было очень разноплановое, часто весьма противоречивое, достаточно посмотреть на соответствующие фрагменты из «Анти-Дюринга», где мы увидим, что он толкует о диалектике как философии, потом вдруг в «Людвиге Фейербахе» он говорит о философии Маркса, что дальнейшее развитие точки зрения Фейербаха (то есть антропологии Фейербаха) привело к созданию новой философии. А до этого речь всегда шла о Гегеле. Именно прогегелевская трактовка корней мар-

ксовой философии, кстати, сказывается у Ленина в его интерпретации появления марксистской философии.

Но после смерти Сталина начались дискуссии по этому поводу, особенно под влиянием позиции Ильенкова, которая осуждалась официально. Дискуссии шли в «Вопросах философии», «Философских науках», в которых я тоже участвовал, есть статьи. Но потом у меня сложилась такая концепция: если действительно марксистская философия есть научное мировоззрение и ее центральный вопрос (как и вопрос всей философии) – это вопрос об отношении сознания к материи, то тогда *каков предмет философии марксизма в целом?* Энгельс и Сталин считали, что *наиболее общие законы*. Иначе говоря, получается так, что есть некие законы в мире вообще, которые надо открыть, обнаружить. Но как это осуществить инструментально? Это не просто дело.

А я пришел к мысли, что если мы говорим об основном вопросе как об отношении сознания к бытию, то в этом случае надо брать *общественное сознание* в его *разных формах*: это и отношение сознания художественного к бытию, сознания религиозного, нравственного, политического. Но в таком случае на стыке бытия и сознания всегда возникают *проблемы*. Одни проблемы порождают эстетику, другие – этику, третьи – философию политики и т.д.

И я пришел к следующей мысли... Была даже такая учебная тема «Изменение предмета философии в ходе ее развития». Попробуй проследить, например, изменение любого закона диалектики. То есть вопрос об историчности законов – это вообще отдельная проблема. А если мы рассматриваем философию как отношение сознания к материи и *стыковые* вопросы, то совокупность проблем, которые возникают здесь, – это и есть *предмет философии*. Отсюда и возникают философские дисциплины, соответственно, вроде эстетики и этики, религиоведения и политологии.

И отсюда вытекает особое структурирование философии. Если брать, скажем, философию систематическую, то там вырисовывается такая структура: учение о бытии, учение о познании, учение о человеке и аксиология, учение о ценностях. Вот тот круг проблем, реализуемых тем, что сегодня называют философией систематической. И это вполне оправданно. Ну а дальше все это рассыпается по более узким направлениям, выделяются, например, философские проблемы науки, причем у каждой науки эти проблемы свои собственные: философия образования, философия управления, философия бизнеса и т.д.

В сталинские годы под влиянием доклада А.А. Жданова говорили, что предмет философии сужается, от нее отпочковываются отдельные науки. Несомненно, было время, когда философия охватывала все знание. Само собой разумеется, что именно от нее и отпочковались науки. Нынче предмет философии не сужается, а *расширяется!* И ни о какой смерти философии речи не идет. И никакие постмодернистские штучки на этот счет всерьез принимать нельзя.

— *Многие сегодня под рубрикой «русская философия» рассматривают таких мыслителей Серебряного века, как С. Франк,*

Вл. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П. Флоренский, забывая при этом такие фигуры, как Герцен, Чернышевский, Ильенков, Мамардашвили. Согласны ли Вы с подобной оценкой русской философии?

— Ну, среди историков философии, так же как и среди представителей других профессий, бывают умные и бывают глупые люди. Это вполне естественно. Вычеркнуть из истории русской философии Чернышевского, Герцена, Писарева и т.д. могут только законченные идиоты. Или современные мракобесы либерального типа.

— В учебных программах уже давно исчезли имена Добролюбова и Писарева...

— А что — чиновники умнее что ли? Они же программы формируют. Так что все это... Возьмите оценку Чернышевского в «Капитале» у Маркса, или оценку Добролюбова у Энгельса. Все это было бы смешно, если бы не было так печально.

Другой вопрос, что в советские времена не изучали русских мыслителей религиозного толка. Это тоже нехорошо. Русская философская мысль всегда развивалась в оболочке православной религии. От этого никуда не уйдешь. А что на Западе философская мысль не развивалась в религиозной оболочке? Сколько угодно! Так что нечего впадать в крайности. Надо изучать и то, и другое, и религиозную русскую мысль, и материалистическую. Так учит диалектика.

— В истории советской философии большую роль сыграли работы И.В. Сталина. Этого отрицать никак нельзя. Как Вы считаете, можно ли сталинскую форму «марксизма-ленинизма» считать творческим развитием марксизма? И вообще, как бы Вы оценили роль И.В. Сталина как теоретика в истории марксистской мысли?

— Во-первых, сам термин «марксизм-ленинизм» для меня непонятен. Я думаю, что в последних работах Т.И. Ойзермана, нашего уважаемого академика, которому недавно исполнилось 100 лет, показано блестяще, что та формула, которую Ленин применял по отношению к Бернштейну, Каутскому и т.д. — *ревизионизм* — в первую очередь приложима именно к самому Ленину: Ленин и есть, показывает Ойзерман, самый главный ревизионист, который радикально политизировал марксистскую философию. Ленин неадекватно понял Маркса и политически, и философски. Никакой антропологии у Ленина нет. Только есть общие «маховые колеса»: философия есть наука об общих законах... И все. Что касается теории социализма или коммунизма... Возьмите те же ленинские «Апрельские тезисы»: да здравствует социалистическая революция! — какой социализм в стране, в которой нет рабочего класса! Такого не было у Маркса.

Поэтому такое понятие [«марксизм-ленинизм»] не имеет никакого смысла. Другое дело, что оно работало идеологически, в том числе на Сталина. «Марксизм-ленинизм», после Ленина кто главный теоретик? Товарищ Сталин. Правда, пытались еще «сталинизм» добавить, но, как из-

вестно, сам Сталин возражал, мол, не надо, так как я – всего лишь ученик Ленина. Впрочем, это все уже описано давно.

— ***Сегодня господствует та точка зрения, согласно которой в СССР философии не было или она была подавлена идеологией. Согласны ли Вы с такой позицией, и как бы Вы оценили развитие философии в СССР в целом?***

— Идея о том, что в СССР «не было философии» – очередной бред либералов. Не более того. Другой вопрос: в какой *форме* выступала тогда философия и *какая* философия. Ну вот возьмем, например, философские дискуссии. Очень модные они были в период правления Брежнева. Да и до сих пор. Круглые столы. Когда главным редактором в «Вопросах философии» был И.Т. Фролов, круглые столы и дискуссии были постоянными.

— ***И при Лекторском сейчас также они имеют место быть.***

— Да-да, и сейчас эта традиция продолжается. Так же и в «Философских науках». Дискуссий при Сталине было гораздо больше, и были они гораздо серьезнее! Возьмите, скажем, послевоенное время. Дискуссия по политэкономии; общая дискуссия по общественным наукам, общественно-вознанию в целом; дискуссия по книге Александрова «История западноевропейской философии», имевшая огромное значение для истории советской философии; дискуссия по языкознанию, в рамках которой Сталин выпустил серию статей и брошюру «Марксизм и вопросы языкознания»; была дискуссия по космогонии, очень известная после выхода в свет четырех лекций О.Ю. Шмидта о происхождении небесных тел; дискуссия по биологии; готовилась дискуссия по физике с разгромом физиков, как ранее биологов, да вовремя спохватились: ударим, мол, не по тем физикам, и остановили дискуссию.

То есть дискуссий было очень много. И главное, что они давали материал для размышлений. В первую очередь философам. Так что говорить о том, что в СССР не было философии – чушь. Ее не было для тех, кто не знал философии.

Другое дело в том, что все было ограничено той схемой, которую дал товарищ Сталин. Дело все в том, что народ-то у нас ушлый. Скажем, как писались статьи? Как проводили свою точку зрения? Находили цитату у Сталина и говорили: «товарищ Сталин учит...», а дальше автор излагает то, что он сам придумал. А постольку, поскольку у Сталина можно было найти *любые* высказывания, то тогда возникал очень широкий спектр точек зрения. Так что, по крайней мере, когда я учился, я чувствовал себя вольно и дискуссий у нас было много... А на семинарах! Сейчас даже фамилий таких не знают, по которым мы спорили...

— ***Каковы, на Ваш взгляд, перспективы развития марксизма в России и в мире в целом?***

— По тем данным, которыми я располагаю, во всем мире интерес к Марксу, именно к Марксу, а не к Марксу-Энгельсу-Ленину-Сталину и т.д., возрастает неимоверно от Европы до Японии. Так что будущее у марксизма светлое, включая и его философскую часть.

— *А как вы оцениваете – положительно или отрицательно – нынешнее «отпочкование» марксизма, когда различные марксистские школы растут как на дрожжах: экзистенциальный марксизм, феноменологический, аналитический, структуралистский, гуманистический, постмодернистский, латиноамериканский и т.д.?*

— Это надо смотреть конкретно, о чем идет речь. Дело в том, что развитие марксистской философии в частности и марксизма в целом невозможно без включения новых проблем. А вот откуда они берутся – из экзистенции или феноменологической фактичности – не столь важно, самое главное, чтобы это были *значимые* проблемы. И надо сказать, что это понимают те деятели, которые основывают различные марксистские школы. Тот же Сартр в свое время объявил себя марксистом, последовательным; Бодрийяр и Деррида объявляли себя марксистами... так что нельзя отгораживать развитие марксизма от развития мировой философской мысли. Собственно говоря, в истории марксизма так шло и так пойдет...

— *Константин Николаевич, позвольте теперь обратиться к собственно Вашим достижениям в философии. Известно, что Вы были «первопроходцем» в области философии субъекта, философской антропологии в отечественной философии.*

— Да, было время... Сегодня уже даже как-то смешно представить себе, что до 60-х годов в нашей, тогда советской философской традиции не имелось понятия «личность». Были только такие политически, идеологически и даже бюрократически окрашенные категории, как «класс» и «коллектив». Затем стали говорить о нашей, советской личности, но только в плане степени принадлежности человека к тем или иным трудовым классам: комсомолка, студентка, спортсменка. Я пришел к понятию личности через исследование взаимоотношения субъекта и объекта как базового предмета философии. Примерно в то же самое время И.С. Кон пришел к исследованию личности в области социологии и подростковой психологии. Таким образом, абстрактная и безжизненная традиция рассматривать человека сквозь призму «класса», в «классовой» перспективе была подорвана. Раньше «субъекту» придавали исключительно ругательное значение и обязательно иронично прибавляли, *какой* именно это субъект.

— *Именно Ваше введение в философию понятия «субъекта» в настоящее время обеспечило философское обоснование прав личности.*

— Ну, это несколько сильно сказано... Другим следствием моих исследований в области немецкой классики, и в первую очередь философии Людвиг Фейербаха, стало понимание того, что философская антропология является неотъемлемой частью марксистской философии, по крайней мере, у самого Маркса. Однако понимание философии Марксом существенно отличалось от понимания ее Энгельсом. Одними из первых в СССР на это обстоятельство обратили внимание сотрудники кафедры истории философии Уральского университета в связи с исследованием современной философской антропологии. Странники философской антропологии

видели в Марксе одного из своих главных предшественников. Официальная позиция, озвученная Сусловым и Федосеевым, была однозначна: все это очередная, именно «антропологическая», фальсификация философии Маркса, попытка противопоставить философские взгляды Маркса Энгельсу и Ленину. Наше обращение к Марксу убедило в том, что главное в его философии – учение о человеке и обществе.

Как это получилось. «Парижские рукописи 1844 года» Маркса в начале 30-х годов издали у нас, в Москве, стараниями Рязанова и Лукача. Но они абсолютно никак не повлияли на наш отечественный философский процесс, в то время как на Западе они произвели самый настоящий неомарксистский бум. Возникла Франкфуртская школа, правда, помимо марксизма тесно связанная еще и с фрейдизмом (В. Райх, Г. Маркузе, Э. Фромм; а вот Т. Адорно и М. Хоркхаймер, а позже К. Акселос и Ю. Хабермас от фрейдистов несколько дистанцировались). После войны к марксизму примкнули экзистенциалист Ж.-П. Сартр, феноменолог М. Мерло-Понти. Были такие независимые марксисты, как К. Корш, Э. Блох, А. Шафф. Вот я как раз-то и попытался показать место антропологии в структуре философии Маркса. У Маркса учение о человеке, учение о практике по сути дела выполняет роль *онтологии* социального бытия.

Как известно, в советской философии до середины 80-х годов отвергалась сама мысль о возможности марксистской антропологии. Я попытался детально обосновать идею о том, что философия К. Маркса, в отличие от сциентистской философии Ф. Энгельса, представляет собой философское учение о человеке (антропологию в широком смысле), которая развертывается у него в социальную философию (материалистическое понимание истории) и философию будущего. Такая структура марксовой философии является радикально новаторской, особенно на фоне господствовавшего тогда представления о строгом членении марксистской философии на диалектический и исторический материализм, а также представления о монолитном единстве философии классиков марксизма.

Другой круг идей связан с выявлением специфики современной западноевропейской философской антропологии. Исследуя предпосылки философской антропологии как течения, окончательно сложившегося после второй мировой войны, я, например, поставил под сомнение традиционную характеристику философии И. Канта второго периода как ориентированную гносеологически. Философия Канта перерастает в философскую антропологию с ее основным вопросом «Was ist der Mensch?». Более того, даже у таких антиантропологически настроенных философов, как неопозитивисты, имеется своя латентная антропология.

Вообще надо сказать, что развитие философского человековедения далее пошло двумя путями. С одной стороны, Маркс, следуя Фейербаху, создавал философию практики, которая и есть философия человеческой жизни, философская антропология (тогда как философские воззрения Энгельса были окрашены «космически»). С другой стороны, философское человековедение, ориентированное идеалистически, вылилось в совре-

менную, прежде всего немецкоязычную философскую антропологию, представленную двумя ветвями: биологизаторской и функционалистской.

Все эти перипетии истории философской антропологии получили свое развитие у нас на философском факультете, где была создана кафедра философской антропологии.

— **Константин Николаевич, еще одним важным направлением вашей научной деятельности является проект по изучению различных российских версий марксизма?**

— Да, в этой области историко-философской науки мы поставили вопрос о *специфике* русского и советского марксизма, что нашло свое отражение в серии публикаций («Российские версии марксизма»), посвященных анализу идей таких мыслителей, как В. Ленин, М. Горький, А. Луначарский, А. Богданов, И. Сталин и др. В этих разноплановых работах было показано внутреннее многообразие отечественного марксизма советского периода. Но самое главное, думаю, что было здесь достигнуто, так это то, что был опровергнут старый стереотип о былом монолитном единстве и догматизме марксизма. Работа по советскому марксизму продолжается.

— **Спасибо, Константин Николаевич, за интересную беседу.**

— И вам спасибо.

Основные публикации К.Н. Любутина

К.Н. Любутин – автор около тридцати научных монографий, более трехсот иных научных и публицистических работ, среди которых особо можно выделить следующие:

Любутин К.Н. Критика современной философской антропологии. М. : Знание, 1970. 48 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: «Философия» ; вып. 10).

Любутин К.Н., Чупин П.П. Человек – мир – философия. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во, 1972. 152 с.

Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии: Лекции по спецкурсу для студентов филос. фак. / отв. ред. Л.М. Архангельский. Свердловск, 1973. 188 с.

Любутин К.Н., Емельянов Б.В. Введение в историю философии : учеб. пособие для студ. ун-тов. М. : Высш. шк., 1987. 160 с.

Социализм и Россия / отв. ред.: *А.В. Гайда, К.Н. Любутин*. М. : ФО СССР, 1990. 312 с.

Володин В.Н., Любутин К.Н., Нарский И.С. От «рассудка» к «разуму» (Кант, Гегель, Фейербах). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 160 с.

Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1993. 416 с.

Любутин К.Н., Емельянов Б.В. Введение в историю философии : учеб. пособие для вузов и колледжей. 2-е изд., перераб. и доп. Нижневартовск : Изд-во Нижневарг. пед. ин-та, 1994. 140 с.

Грибакин А.В., Любутин К.Н. Западная философская антропология: от Фейербаха к Фромму : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1994. 160 с.

Емельянов Б.В., Любутин К.Н., Сим Ф.А. История философии: Введение в курс лекций: пособие для вузов, колледжей, лицеев. Петропавловск, 1994. 99 с.

- Любутин К.Н.* Человек в философском измерении: от Фейербаха к Фромму / науч. ред. Н.С. Рыбаков. Псков : Изд-во Псков. обл. Ин-та усовершенств. учителей, 1994. 132 с. (Филос. б-чка учителя: Вып. 5).
- Бурханов Р.А., Любутин К.Н.* Классическая философская антропология: И. Кант и Л. Фейербах: (От трансцендентальной антропологии И. Канта к гуманизму Л. Фейербаха). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та ; Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1995. 239 с.
- Ленинизм и Россия / *отв. ред.: А.В. Гайда, К.Н. Любутин.* Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 320 с.
- Змановский Г.Р., Любутин К.Н.* Прологомены к «богдановщине». Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1996. 117 с.
- Любутин К.Н.* История западной философии: Пропедевтика: учеб. пособие для высш. и средних учеб. заведений. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та ; Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2000. 158 с.
- Любутин К.Н., Саранчин Ю.К.* История западноевропейской философии : курс лекций. Екатеринбург : ИИТЦ «Зерцало-Урал», 2000. 188 с.
- Любутин К.Н.* Российские версии марксизма: Александр Богданов. Екатеринбург : Урал. ин-т коммерции и права, 2000. 89 с.
- Любутин К.Н., Мошкин С.В.* Российские версии марксизма: Николай Бухарин / *отв. ред. А.В. Гайда.* Екатеринбург : УрО РАН, 2000. 206 с.
- Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Синтетическая теория идеального. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та ; Псков : Изд-во Псков. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2000. 207 с. (Философская б-ка. учителя; Вып. 9).
- Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В.* Марксизм Иосифа Сталина: Философско-политологические этюды / *отв. ред. О.Ф. Русакова.* Екатеринбург : УрО РАН, 2001. 288 с.
- Любутин К.Н., Русаков В.М.* Отечественная философия советского периода : очерки. В 2 ч. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. с.-х. акад, 2001.
- Любутин К.Н., Саранчин Ю.К.* История западноевропейской философии : учеб. пособие для вузов. М. : Акад. Проект, 2002. 240 с. ("Gaudeamus").
- Любутин К.Н., Франц С.В.* Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 170 с.
- Емельянов Б.В., Любутин К.Н.* История русской философии : учеб. пособие для вузов. М. : Акад. Проект, 2003. 600 с.
- Емельянов Б.В., Любутин К.Н., Русаков В.М., Саранчин Ю.К.* История русской философии : Учебник для вузов. М. : Акад. Проект, 2005. 736 с. (Gaudeamus).
- Любутин К.Н., Толмачев В.Д.* Александр Богданов: от философии к тектологии. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 244 с. (Филос. образование. Вып. 33).
- Любутин К.Н., Чупров А.С.* Истоки философской антропологии. Кант. Шопенгауэр. Фейербах. Челябинск, 2005. 298 с.
- Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.* Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. 295 с.
- Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.* Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. 240 с.
- Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации : *колл. моногр. / А.Б. Белоусов, М.Ф. Казанцев, К.Н. Любутин* и др. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. 481 с.
- Любутин К.Н., Коряковцев А.А.* Диалектика Людвиг Фейербаха / *отв. ред. Черепанова Е.С.* Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 220 с.
- Кондрашов П.Н., Любутин К.Н.* Историческая феноменология бесчеловечности / *отв. ред. Русаков В.М.* Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 248 с.

*Список основных публикаций подготовлен
П.Н. Кондрашовым и Е.М. Олову*